

Краткое содержание:

Вэй Усянь и Лань Ванцзи теперь уединились в собственных покоях, и у них более чем достаточно энергии, чтобы действовать в соответствии со своими желаниями.

Это полная версия этой главы. Если вы предпочитаете читать версию «для подростков», ищите главу без тега «CODA»

Как только двери комнаты открылись, Вэй Усянь обрадовано воскликнул:

— Наконец-то! Уединение!

Радостно, как ребёнок, вырвавшийся на волю в разросшееся поле одуванчиков, он носился по комнате, двигая столики и рассматривая критическим взглядом многочисленные талисманы, висящие на стенах.

— Вэй Ин. — В голосе Лань Ванцзи звучала раздражённая привязанность. — Успокойся. — Он поманил своего партнёра к столу, где Вэнь Цин разложила множество своих снадобий.

Демонический заклинатель неторопливо приблизился, и целительница встала, вопросительно изогнув бровь, когда на лице Вэй Усяня мелькнула гримаса досады.

— Хорошо, вы двое. Здесь всё помечено, так что запоминать вам ничего не потребуется. Просто действуйте по инструкции. Я же, время от времени, буду вас навещать, чтобы проверить, всё ли вы делаете, как должно. Читайте этикетки, следуйте руководству и не заставляйте меня тащить вас обратно в Комнату Исцеляющего Лотоса из-за того, что вы решили что-то пропустить. — Вэнь Цин скрестила руки на груди, угрожающе постукивая сапогом. — Вы всё уяснили?

— Да, целительница Цин, — ответил Лань Ванцзи и поклонился.

— Я меньше всего беспокоюсь о тебе, Ханьгуан-цзюнь, а вот твой партнёр... — Вэнь Цин пригвоздила Вэй Усянь взглядом. Использование ею известного титула Лань Ванцзи лишь отметило её доверие к достойному заклинателю, что прямо противоречило её подозрениям в отношении Вэй Усяня. — Ты будешь делать всё, как положено?

Демонический заклинатель выглядел обиженным, хотя на его лице ненадолго мелькнуло веселье.

— Почему ты так сомневаешься во мне, целительница Цин? — картинно заныл он. — По-твоему я

хочу потерять личную комнату и продолжить спать под наблюдением?

— Я буду проверять вас каждый день в обед, пока мы не уйдём, — проигнорировав выступление демонического заклинателя, заявила целительница.

Лань Ванцзи предупреждающе сжал руку своего напарника.

— Мы будем следовать инструкциям, — заверил он целительницу.

Вэнь Цин нахмурилась, но всё же согласно кивнула, зная, что Лань Ванцзи, по крайней мере, точно выполнит своё обещание и заставит Вэй Усяня принимать лекарства.

— Отлично. Я прикажу приготовить вам ванну. Не создавайте проблем. Не удаляйте талисманы. Не надо... — Целительница замолчала и вздохнула. — Не создавай проблем, — повторила она, смирившись с тем, что за этим последует. — И никакой музыки!

Вэй Усянь помрачнел, но кивнул.

— Глупые правила, — пробормотал он и поморщился, когда целительница удалилась, хлопнув дверь, и они остались одни.

Наконец.

В тот момент, когда дверь со стуком закрылась, Вэй Усянь драматично упал на кровать, извиваясь, разбрасывая одеяла и подушки в стороны, размахивая руками и катаясь по простыням, как щенок на привольном лугу.

Лань Ванцзи смотрел на него мягким, снисходительным взглядом.

— Вэй Ин, нам ещё здесь спать, — напомнил он и, опустившись на колени, принялся рассматривать коробочки, бумажные кулёчки и баночки, оставленные Вэнь Цин. — Пожалуйста, сохрани нашу постель в чистоте.

— Лань Чжань, я хочу сделать так, чтобы было удобно, — ответил Вэй Усянь, перекладывая подушки, пока их расположение не пришлось ему по вкусу. — Вот так будет удобно. — Хитрость и многозначительность вплелись в каждое его слово, и Лань Ванцзи ощутил, как их связь вспыхнул жаром.

Он невольно подался в сторону возлюбленного, но резко остановился, когда из-за двери прозвучал громкий почтительный голос:

— Ваша ванна, молодые господа.

— Быстро, — заметил спокойный Лань.

— Эх, наверное, они начали подготовку всё ещё тогда, когда мы покинули А-Юаня с шицзе, — проговорил Вэй Усянь и, вскочив с кровати, бросился к выходу. Распахнул дверь, он с широкой улыбкой поприветствовал парящую ванну (и слуг). — Я помогу!

Все вместе (слуги возражали так вежливо, как только могли, а Вэй Усянь бодро отмахивался от них) они втащили ванну, и слуги, низко поклонившись, немедленно удалились.

Демонический заклинатель, не мешкая ни мгновения, скинул с себя одежду и погрузился в воду; слишком давно он не мечтал насладиться горячей ванной. Его внутренние и внешние мантии беспорядочно валялись на полу: Вэй Усянь мало заботился о порядке и опрятности. Лань Ванцзи лишь неодобрительно покачал головой, глядя на штаны партнёра, которые тот отбросил аж на середину комнаты, но вслух ничего не сказал. Переведя взгляд на возлюбленного, он нервно сглотнул: запястье, украшенное слегка запачканной небесно-голубой лентой, свисало с края деревянной ванны. Демонический заклинатель откинул голову на бортик, и с его губ то и дело срывались вздохи удовольствия, разгоняя лёгкий парок, поднимающийся от тёплой воды.

Эхо этого удовольствия волнами проносилось по их связи, и Лань Ванцзи пришлось собрать всё своё мужество, чтобы противостоять мокрому, голому, расслабленному Вэй Усяню в уединении их собственных комнат.

Тем не менее, у него ещё оставалась некоторая сдержанность, поэтому он только сбросил свои верхние мантии, пододвинул низкий табурет к деревянной ванне и, закатав рукава, взял в руки мыло и небольшую тряпку. Мысленно умоляя Небеса о терпении, он провёл ладонью по волосам Вэй Усяня.

— Вэй Ин. — Его голос, низкий, уверенный, касался уха Вэй Усяня, в нём чувствовался намёк на желание, как в хорошем вине.

Демонический заклинатель хмыкнул, его голова легла на плечо возлюбленного, и с губ сорвался протяжный стон, жаром опалив розовое ухо:

— Старший брат.

— Мыло, Вэй Ин, — рвано прохрипел Лань Ванцзи - перед ним предстало столько обнажённой кожи, настоящий буфет, к которому он понятия не имел, как подступиться, но знал, что ему очень этого хочется. Тёмный цветущий синяк у основания шеи его возлюбленного притягивал взгляд, как пламя мотылька, и желание в два раза горячее, чем прежде, пронзило его, эхом отзываясь в каждой частичке тела.

— М-м-м. — Вэй Ин выгнулся от нехитрой ласки. — Лань Чжань, ты должен присоединиться ко мне. — Бесстыдное желание пылало в его словах. — Я хочу прикоснуться к тебе.

Лань Ванцзи подавил румянец, который, как он знал, расплзался с его ушей на шею, и, повернувшись, коснулся губами тёплой ушной раковины возлюбленного.

— Ванна слишком мала, — прошептал он, ощущая, как дрожь от каждого его слова проходит по обнажённому телу перед ним.

— Но Лань Чжань, — проныл демонический заклинатель, его рука отыскала руку Лань Ванцзи, сжала пальцами запястье и потянула ближе к себе. — Мы одни...

— Вэй Ин. — Лёгкий упрёк боролся с непреодолимой потребностью. — Если ванна развалится...

Вэй Усянь вновь протяжно застонал. Рот возлюбленного был так близко к уху Лань Ванцзи, что каждый вздох посылал волны тёплого воздуха по его коже.

— Боги на Небесах, Лань Чжань! Ты мне нужен. Пожалуйста, прикоснись ко мне, Лань Чжань, положи на меня свои руки, ты мне нужен...

С каждым словом дышать становилось тяжелее, желание бурлило прямо под кожей, распространяясь по их связи.

— Вэй Ин. — Больше слов не было, только дыхание, формирующее слоги.

— Твои руки, Лань Чжань, твой рот, коснись меня, — молил Вэй Усянь. — Поцелуй меня, коснись меня руками, где угодно, везде, старший брат, пожалуйста...

Одна из ладоней Вэй Ина заскользила вниз по его собственному телу, нырнула под воду и потянулась к ноющему желанию, изогнутому вверх, к его животу.

Лань Ванцзи перехватил запястье возлюбленного, прежде чем тот успел коснуться своего члена, и с его великолепных губ сорвался стон отчаяния.

— Лань Чжань, пожалуйста, Лань Чжань, пожалуйста... — резкие, тяжёлые, плаксивые мольбы и жалобные стоны лились с губ Вэй Усяня. — Ты мне нужен, ты мне нужен, ты нужен мне...

— Терпение, — пробормотал Лань Ванцзи, чувствуя, как ускользает его собственное самообладание, цепляясь за него кончиками ногтей, желая чуть дольше насладиться видом такого великолепного тела, распростёртого перед ним, извивающегося и стонущего ему в ухо.

Ниже ватерлинии, твёрдый, красный и соблазнительный член демонического заклинателя манил так же неотвратно, как бесконечный бесстыдный лепет, срывающийся с губ, так же, как блестящие, умные глаза (сейчас закрытые), в которых переплетались гениальность и юмор, притягивая душу Лань Ванцзи. Умоляющие слова ранили всё сильнее и сильнее, эхом отдавались в ушах.

— Прикоснись ко мне, попробуй меня на вкус, заяви на меня права, Лань Чжань. Твой рот, твои руки, старший брат... Поцелуй меня, Лань Чжань.

Длинные, гибкие пальцы вцепились в его руку, сжимая, вздрагивая при каждом прикосновении рта Лань Чжаня к его уху, при каждом скользящем прикосновении пальцев ко всё ещё слишком выступающим рёбрам.

— Позволь мне вымыть тебя, — прошептал Лань Ванцзи, что само по себе было почти мольбой.

— Все, что угодно, Лань Чжань, все, что ты пожелаешь... Всё, что хочешь, старший брат, — пылко отозвался Вэй Усянь. — Мне нужны твои руки, Лань Чжань. — Его собственные руки слабо дёрнули запястья Лань Ванцзи. — Прикоснись ко мне... — Задыхаясь от вожделения, произнёс демонический заклинатель, и его желание пронеслось по их связи, словно лесной пожар.

Осторожно высвободив руку из отчаянной хватки Вэй Ина, Лань Ванцзи аккуратно намылил тряпицу, стараясь не обращать внимания на дрожь в собственном теле.

Между ними полыхало желание, возбуждение, вожделение — каждый вздох, стон, распутный шёпот разжигал их страсть.

Собственничество исходило из глубины души второго молодого господина Ордена Гусу Лань, плотно обвивая Вэй Ина.

— Да, да. Да, Лань Чжань! Да, о Боги, Лань Чжань... Старший брат...

Освобождённые руки демонического заклинателя стиснули деревянные бортики ванной.

— Вэй Ин, — бормотал Лань Ванцзи, поднимая намыленную тряпку и прижимая её к груди возлюбленного. Он ощущал его кожу под своими покрытыми тканью пальцами, и это одновременно успокаивало и возбуждало.

Каждое прикосновение ткани вызывало сдавленные стоны, лихорадочные слова, порыв «сейчас, сейчас, сейчас, сейчас».

Для Лань Ванцзи это в равной степени и исследование, и возбуждение. Он лишь изредка прикасался к себе для удовольствия и никогда к кому-то другому. В течение многих лет он лелеял глубокое, беспокойное, непреодолимое желание прикоснуться к Вэй Ину, услышать, как звучит его голос, потерявшийся в удовольствии, наблюдать, как он покоряется его, Лань Ванцзи, рукам.

Поэтому он медлил вместо того, чтобы торопиться, мыл и дразнил, гладил и возбуждал, убаюкивал нуждающуюся непосредственность превращая её в кипящую потребность. Хотя Вэй Усянь по-прежнему задыхался, стонал и умолял, в нём ощущалось скрытое чувство удовлетворения.

Лань Ванцзи не хотел спешить, он хотел, чтобы удовольствие текло между ними легко, чтобы страсть росла, не чувствуя, что лёгкие отказываются работать; позже будет время для того, чтобы задыхаться от желания.

Поэтому он задерживается там, где стонет Вэй Ин, ласкает до тех пор, пока горячий шёпот не наполняет воздух и не разжигает жгучую потребность, которую он таит в себе.

Всё ниже, ниже, ещё ниже, пока рука, запястье и предплечье Лань Ванцзи не погрузились в воду. Он начинает массировать внутреннюю сторону бедра Вэй Усяня под надуманным стремлением добиться чистоты. Ни один из них не верит в это. Все движения — чувственное исследование и бессмысленный эксгибиционизм (несмотря на то, что аудитория у Вэй Усяня состоит из одного человека).

Лань Ванцзи чувствует твёрдость Вэй Ина на своей руке, мягкую и нежную пульсирующую кожу. Его собственная эрекция плачет от пренебрежения, но он игнорирует это, сосредотачивается исключительно на радостных возгласах возлюбленного, на том, как они распалют огонь внутри него. Их Слияние сверкает силой и сближает их всё теснее.

— Вэй Ин.

Затуманенные серебристые глаза блестят под тяжёлыми веками, пытаюсь сфокусироваться.

Замутнённый похотью взгляд заставляет сердце Лань Ванцзи учащённо биться.

— М-м-м, Лань Чжань? — Ленивый, вялый, пропитанный тяжёлым желанием голос.

— Что... — Лань Ванцзи делает паузу, остро ощущая свои руки. Одна — прижимает тряпку к внутренней стороне бедра Вэй Усяня, а другая — проводит по его груди. — Чего ты хочешь? — Он сглатывает, и сердце — тук-тук-тук — громче звучит в ушах.

Вырывающееся из прекрасного рта дыхание внезапно становится лукавым.

— Разве ты не слушал, старший брат? — растягивая гласные, промурлыкал демонический заклинатель. Его рука поднялась на поверхность, скользнула по воде, и пальцы прижались к запястью Лань Чжана. — Твоя рука... твои пальцы... — простонал он.

Лань Чжань чувствовал, что вот-вот сгорит изнутри, принесёт себя в жертву пьянящему пламени страсти, которое Вэй Ин разжигал в нём, прежде чем сообразил, как сделать что-то более... интенсивное.

— Вэй Ин... — Прозвучало задушено. — Я не...

Лань Ванцзи едва мог сосредоточиться на разговоре. Вэй Ин опустил руку вниз, и ткань уплыла, выскользнув из ослабевших пальцев.

— Вот, Лань Чжань.

Лань Ванцзи совершенно не понимал, как Вэй Ину удаётся говорить, когда у него явно перехватывает дыхание. Но он повинуетя. Под руководством возлюбленного его рука проходит между расставленными ногами, мимо напряжённой эрекции, мимо кожного мешочка, подтянутого к телу, пока он не достигает тугого сплетения мышц и кожи; легчайшее прикосновение его пальцев к такому чувствительному месту вызывает непристойный стон из красивого, тяжело дышащего рта Вэй Усяня.

— Почувствуй меня, Лань Чжань. Ты можешь почувствовать это? Ты чувствуешь мои пальцы? Боги, Лань Чжань, твои руки прекрасны, совершенны, такие гладкие. Твои пальцы такие длинные. Внутри меня, старший брат, они нужны мне во мне.

Собственные пальцы Вэй Усяня подтвердили его слова, и хотя Лань Ванцзи не мог видеть происходящего, он определенно чувствует это. Он не уверен, что дышит.

— Внутри?

Лань Ванцзи не знал, произнёс ли он это на самом деле; часть его надеялась, что Вэй Ин почувствовал вопрос, но он едва мог представить, о чём просит возлюбленный, и его собственное сердце колотится о рёбра, как сумасшедшее.

— Мм. — И снова лукавый, соблазнительный, знойный Вэй Усянь устремил на него затуманенный взгляд. — Я видел весенние книжки, Лань Чжань. Я читал их под партой в классе. А потом представлял, что это был ты, твои руки, твои пальцы, твой рот, твой член — на мне, во мне... Лань Чжань... — Его веки сомкнулись, а тело выгнулось от собственных слов, и Лань Ванцзи больше не может этого выносить.

Рукав его мантии безнадежно промок, когда он наклонился вперёд и прижался губами к бьющейся жилке на шее возлюбленного, в то время как его пальцы настойчиво закружились по

краю желанной дырочки. Тихие стоны и всхлипывания Вэй Ина прозвучали лучшей музыкой, которую он когда-либо слышал.

Лань Ванцзи легонько надавил, его пальцы скользнули сквозь кольцо напрягшихся мышц, и воздух наполнился новыми стонами. От тесноты внутри у него пересохло во рту — прилив вожделения наряду с толикой беспокойства.

— О-о-о... Лань Чжань, пожалуйста, нет, не останавливайся, Лань Чжань, мне это нужно, пожалуйста, пожалуйста... — Задыхающиеся, пропитанные похотью слова, выгнутая сильнее прежнего спина Вэй Ина и в бессмысленном отчаянии скользящие по бортикам ванны руки.

Явное желание смыло нерешительность Лань Ванцзи (недостаток опыта заставляет его сомневаться, возможно ли это вообще, но если страстные глаза Вэй Ина, лукавые слова, та книга из библиотеки свидетельствуют о наличии подобного опыта у других, возможно, по крайней мере, у одного из них есть какие-то знания).

И он толкнулся пальцем глубже, минуя первое плотное кольцо мышц, быстро и, если бы не всплеск удовольствия от Слияния, слишком сильно сразу.

Вэй Усянь, похоже, не возражал, если судить по тому, что между ними нарастало.

Лань Ванцзи задавался вопросом, больно ли это?

Впрочем, это не имело значения, поскольку Вэй Ин чуть подаётся вперёд, он явно получает удовольствие от длинного пальца, проникающего в него.

— Вот... Нажми туда, вверх... Да, больше, Лань Чжань, вложи в меня больше... Я могу принять, пожалуйста, Лань Чжань, мне нужно...

Договорить демонический заклинатель не смог. С его губ срывается очередной долгий стон, когда Лань Ванцзи, следуя приглашению, присоединяет второй палец к первому, не забывая об осторожности, но в то же время поддаваясь похоти, с каждой минутой разгорающейся между ними всё сильнее.

Лань Ванцзи нужно увидеть его глаза. Ему нужно увидеть лицо Вэй Усяня, искажённое от удовольствия, увидеть, как возлюбленный извивается под ним, пока они выясняют, что ещё могут воспроизвести из запрещённых книжек Вэй Ина.

— Вон, — бормочет он. - В кровать.

Демонический заклинатель хватет Лань Ванцзи за запястье, когда он пытается отстраниться.

— Нет, нет, нет, Лань Чжань, пожалуйста, будь во мне...

Лань Ванцзи издал болезненный стон — на самом деле всхлип.

— Постель, Вэй Ин, — в отчаянии повторяет он.

Серебряные глаза распахнулись.

— Присоединяйся ко мне в ванне, Лань Чжань, я могу оседлать тебя в воде, почувствовать, как ты наполняешь меня, — выдыхает он. — Прямо здесь, возьми меня здесь, Лань Чжань..

Этого почти достаточно, чтобы вывести Второго Нефрита из себя, и он может только представить, что произойдёт, если они разобьют ванну в первую ночь, когда их оставили одних. По крайней мере, вряд ли они получат ещё одну, и Чифэн-цзунь вполне может выгнать их из своей цитадели той же ночью.

— Слишком маленькая. Я хочу... твоё лицо...

Лань Ванцзи проклиная себя за отсутствие слов, но это перестаёт иметь значения, когда он видит, как рот Вэй Усяня приоткрывается от удивления.

Второй Нефрит понимает, что их Слияние рассказало о том, чего он желает.

— Ты хочешь смотреть на меня, Лань Чжань. Когда берёшь меня. Когда ты откроешь меня, а затем наполнишь, заставив меня умолять, — шепчет демонический заклинатель, и его собственная рука накрывает ладонь Лань Ванцзи, скользит по двум его пальцам (он ещё не убрал их и не хочет этого из-за того, как Вэй Ин порхает вокруг них), а рот прижимается к уху. — Смотреть, как ты заставляешь меня принять их. Всего себя, целиком, снова и снова, пока ты больше не сможешь.

Лань Ванцзи, оказывается, не так уж и силен.

Голос Вэй Усяня манил, соблазнял, дразнил, и Лань Ванцзи поддался: глубже ввёл пальцы и в плен захватил этот порочный, обольстительный рот.

— Вылезай, Вэй Ин, — повторил он, одновременно переплетая пальцы, вдавливая их в возлюбленного, растягивая.

— Ч-чего бы ста-арший бра-ат не захотел, — выдохнул ему в рот Вэй Усянь.

Лань Ванцзи выдернул пальцы и услышал стон — почти болезненный, полный потери и

желания, а потом он дёрнул своего любовника и потащит его, мокрого, к кровати, где кинул его на одеяла и подушки, которые Вэй Усянь так своевольно разбросал ранее.

Сейчас, тяжело дыша, с раздвинутыми ногами и полуоткрытыми веками, он тянется к своему члену, к своей дырочке, и воздух наполняется жалобными стонами. Вэй Усянь выглядит идеально — более чем идеально, как будто все самые сокровенные фантазии Лань Ванцзи воплотились в жизнь, чтобы разметаться по кровати и умолять взять их.

— Старший брат.

Лань Ванцзи разделся стремительно, беспорядочно разбросал внутренние мантии и штаны по полу. Встал на колени рядом с обнажённым возлюбленным, и его пальцы легли на голую кожу.

— Вэй Ин... я... что... — Он не знал, как спросить, что ему делать дальше — всё это было новым, напряжённым, ошеломляющим и совершенным...

Он провёл ладонями по бёдрам Вэй Усяня, очертил выступающие косточки, его пальцы танцевали на чувствительной коже.

— Лань Чжань... — Голос демонического заклинателя сорвался на стон, когда Лань Ванцзи, наконец, сжал его член.

— Так? — просил он, выталкивая слова.

— Во... во... во мне, Лань Чжань, пожалуйста... — Рука Вэй Усяня вновь потянулась к дырочке, а когда Лань Ванцзи перехватил её, последующий стон был полон разочарования и потребности. — Лань Чжань...

При мысли о том, что этот тугой жар снова сожмёт его пальцы, Лань Ванцзи ощутил, как сердце подкатывает к горлу, но он не смог сопротивляться желанию и потянулся туда; ему нужно было это чувство больше, чем когда-либо нужно было что-либо ещё.

Без воды втиснуться оказалось труднее, и Лань Чжань впервые увидел, как боль искривила великолепное покрасневшее лицо возлюбленного, а потом и почувствовал её сквозь их Слияние.

Он немедленно остановился, страх душил желание.

— Вэй Ин.

Трепещущее остаточное изображение синего с красными пятнами, повязанного вокруг безвольно свисающего запястья, на мгновение закрывает это красивое, расслабленное от

удовольствия лицо.

— Нет-нет-нет, не останавливай Лань Чжань...

Вэй Усянь поёрзал.

— Сухой... слишком сухой... — запротестовал Лань Ванцзи, пытаясь в равной мере подавить страх и желание.

— Пусть,— тяжело дыша, возразил демонический заклинатель. — Мне всё равно.

Лань Ванцзи хотел ему верить, но он никогда не делал ничего подобного, никогда не просматривал весенние книжки, и эта вспышка боли в их Слиянии... пронзила его до глубины души.

Вэй Ин почувствовал его растерянность. Он сел, беспокойство прикрыло похоть.

— Я... я люблю немного боли, Лань Чжань, — уверенно проговорил он и положил ладонь на его щёку. — Я хочу этого, Лань Чжань.

Поражённые глаза искали на лице Вэй Ина правду, и хотя Лань Ванцзи отыскал искомое, это мало помогло успокоить страх.

— Я не могу... — Он сглотнул, снова пытаясь подобрать слова. — Я не могу причинить тебе боль. Не... — Лань Ванцзи проводит пальцем по одному из бледных шрамов, оставшихся после их танца со смертью.

— А... — Вэй Ин улыбнулся, и его лицо смягчилось, когда пришло понимание. — Но ты всё ещё хочешь этого? Хочешь того же, что и я? — Лань Ванцзи кивнул, почти сходя с ума от собственной уверенности. — Тогда... в некоторых книгах упоминаются масла, используемые, чтобы сделать это... легче. Менее болезненно. — Демонический заклинатель сделал паузу и взгляделся в лицо Лань Ванцзи, вслушался в их Слияние. — Может быть, для первого раза так действительно было бы лучше.

Лань Ванцзи глубоко вдохнул и кивнул, задаваясь вопросом, будет ли масло действовать как вода, ослабляя напряжение при раскрытии таких напряжённых мышц.

— Масло... — повторил он, оглядываясь по сторонам и останавливаясь взглядом на прикроватном столике, заполненном различными лекарствами, которые оставила Вэнь Цин.

Вэй Усянь весело рассмеялся.

— Насколько я знаю сестрицу Цин, она приготовила нам немного с язвительной запиской, — произнёс он с горящими глазами и наклонился ближе к Лань Ванцзи, чтобы рассмотреть банки и коробочки. — Я покажу тебе. Книги были очень подробными. — Его голос снова наполнился похотью. — Я никогда не использовал масла на себе, мне нравится немного боли, но в книгах, похоже, им это очень нравилось, так что это должно быть хорошо.

Лань Чжань сделал глубокий вдох, чтобы успокоить своё скованное страхом сердце, образ трепещущей, окровавленной руки Вэй Усяня, падающей на землю, исчезает, сменяясь Вэй Усянем, откидывающимся на подушки и простыни, с рукой между ног и плотно закрытыми глазами. Возлюбленный доставляет себе то удовольствие, которое Лань Ванцзи так отчаянно хочет ему подарить.

— А-а-а, вот и записка. — Вэй Ин отполз назад и вновь развалился на кровати. Одной рукой он болтал в воздухе невзрачной коричневой баночкой, а другой - потянулся к Лань Ванцзи и переплёл их пальцы. Его волосы разметались по подушкам, словно брызги чернил на бледном холсте. — Похоже на неё. «Не будьте идиотами. Один из вас лучше знает, как этим пользоваться. Я не стану исцелять тебя от твоей чрезмерной глупости!» Хех. — Он протянул баночку Лань Ванцзи. — Я расскажу тебе, как им пользоваться, Лань Чжань. В деталях. — В голосе демонического заклинателя снова звучали обещание и желание, скрывая чувство бесстыдной потребности.

Хотя пальцы Лань Ванцзи дрожали, он взял баночку.

Вэй Ин шумно выдохнул, и его взгляд стал тёмным и тяжёлым.

— Хорошо, старший брат, слушай внимательно. — Он позволил своим пальцам прочертить узоры на ладони Лань Ванцзи, а потом провёл руками по своим бёдрам, всё ещё раскрытым в приглашении. — Открой баночку и налей на пальцы немного масла.

Лань Ванцзи нащупал пробку, в спешке выронил её на пол и раздражённо приподнял губу.

Банка оказалась заполнена под завязку, и часть масла капнула на живот Вэй Усяня.

Ухмыляясь, демонический заклинатель провёл по лужице рукой, лизнул ладонь и, обхватил свой член, откинул голову назад с тихим вздохом.

— Ах... Может быть, мне и правда не хватало масла... — простонал он.

— Вэй Ин... — Лань Ванцзи обнаружил, что дышать снова тяжело.

— Как и прежде, в ванне. Можешь капнуть на меня немного масла, а потом растереть его пальцами. Втирай его в меня, растяни меня, Лань Чжань, — ответил он, задыхаясь. — Широко, Лань Чжань. Я хочу чувствовать тебя.

Баночка поспешно опрокидывается между ног Вэй Усяня, проливая на одеяла столько же масла, сколько и на кожу, но это никого не волнует.

Только годы усиленных тренировок помогли Лань Ванци поставить банку на стол, прежде чем он наклонился и прижал ладонь к трепещущему краю, который он теперь ясно видит; масло блестит на влажной коже.

Теперь гораздо легче вернуть пальцы обратно в тепло, в тесноту тела Вэй Усяня, и Лань Ванци чувствует, как его сердце ускоряет темп, когда боль не возвращается, а волна облегчения, желания и голода становится ярче.

Стоя на коленях над демоническим заклинателем, он считывал каждое мелкое выражение, промелькнувшее на этом слишком выразительном лице, и они помогали ему действовать в верном направлении: надавить, растянуть напряжённые мышцы, насладиться каждым стоном, вздохом и хныканьем, которые он извлекал из этих прекрасных губ.

— Вэй Ин. — Он чувствовал, как каждый выдох касается его щёк.

— Мм, Лань Чжань... поцелуй меня...

Выполнить просьбу нетрудно, и Лань Ванци припадает к сладким губам. Он подавил срывающийся стон, глубоко погрузил пальцы в тело возлюбленного и согнул их. Вэй Усянь издал внезапный испуганный вздох, и Второй Нефрит вздрогнул. Но их Слияние светилось от удовольствия возлюбленного, и Лань Ванци успокоился. А в следующий миг он уже не понимал, то ли это внутри него, то ли их Слияние разливается в воздухе вокруг них, но ему было всё равно — здесь, сейчас, когда Вэй Ин под ним, вокруг него, дышит вместе с ним, всё остальное не имело значения.

— Ещё один, ещё один, ещё один, Лань Чжань... — умолял Вэй Усянь ему в губы, и Лань Ванци подчинился. Он ввёл ещё один палец, раскрывая возлюбленного, чувствуя, как волна похоти закручивается, прокатываясь по их Связи.

Скользкий, тёплый, тугой, пульсирующий.

Лань Ванци изо всех сил пытается сдерживать себя. Он приоткрывает рот Вэй Ина, терзает его губы, заявляя на него права.

И Вэй Усянь позволяет ему, даёт и даёт. Выгибаясь навстречу Лань Чжаня, уступая свой рот безжалостному рту, а своё тело — ищущим рукам.

Три пальца пронзают демонического заклинателя, костяшки пальцев глубоко проникают в него, надавливая на то место, что заставляет кончить на живот, и слабые стоны вырываются изо рта Лань Ванци.

Хотя возлюбленный становится мягче в руках Второго Нефрита, он не прекращает ныть, раскачиваясь на длинных пальцах внутри себя, дугой выгибаясь навстречу парящему телу своего возлюбленного.

В их Слиянии всё, что Лань Ванцзи может чувствовать, — непреодолимое желание и потребность — за пределами того, что он считал возможным, за пределами того, что он считал кульминацией своего удовольствия.

Нет, скорее, это разжигает отчаянное желание Вэй Ина.

— Хочу тебя... я хочу тебя в себе, Лань Чжань, войди... наполни меня, пожалуйста, Лань Чжань...

Вэй Ин немного отстранился, чтобы пробормотать свои бесстыдные желания, его глаза безумны от вожделения.

Лань Ванцзи задыхался — дыхание быстрое, быстрое и хаотичное.

— Вэ... — начинает он, заикаясь, его горло сжимается, пальцы руки, не наполняющей любовника, проводят по венам медленно затвердевающего ствола, пока он пытается осознать эту просьбу, — он не знал, что такие вещи возможны, но теперь Вэй Ин требовал этого от него, и это наполняло каждую его мысль.

Вэй Ин кивает с приоткрытым ртом:

— Масло, где масло, Лань Чжань? Позволь мне намазать тебя маслом, позволь мне сделать тебя мокрым для меня, скользнуть тобой в меня, наполнить меня, всего меня...

Рука демонического заклинателя шарит вокруг, как будто Лань Ванцзи мог оставить масло где-то на кровати.

В течение нескольких секунд неловких рук (Вэй Усяня) и ошеломленного шока (Лань Ванцзи) всё, что заполняет комнату, — это всё более отчаянные поиски Вэй Ина.

Затем Второй Нефрит срывается с места. Его пальцы выпадают из возлюбленного, и он тянется к банке, безмолвно передавая её Вэй Усяню.

— Да. Да. Да!

Лань Ванцзи наблюдает, как демонический заклинатель кладёт банку на ладонь, а затем его разум опустошается, когда возлюбленный сжимает свою ладонь на его покрасневшем, болезненно твёрдом члене, который он стоически игнорировал.

— Ах... — Дрожащий стон, в который, как он с трудом верит, исходил от него, заставил прекрасные глаза Вэй Усяня сиять, и он ничего не может сделать, кроме как дрожать в этой крепкой хватке.

Вэй Усянь дразнит его, размазывая масло от основания к кончику, в то время как слова льются из его рта настоящим потоком бесстыдства:

— Как ты себя чувствуешь, Лань Чжань? Тебе нравится моя рука на тебе, как мои пальцы держат твой член? Ты можешь представить себя во мне? Это всё, о чём я думал со времен лекций в Гусу Лань. Каждый раз, когда я лежу в постели, когда моя собственная рука на мне, когда мои пальцы во мне, твоё лицо у меня перед глазами. словно это твои пальцы во мне. Твой член...

И контроль Второго Нефрита срывается.

В одно мгновение Вэй Усянь оказывается прижатым к подушкам, его руки зажаты над головой, и Лань Ванцзи парит над ним, одной рукой широко раздвигая стройные длинные ноги.

Демонический заклинатель приподнимается, проверяя хватку возлюбленного и выгибаясь, чтобы сблизить их тела.

— Ты будешь брать меня так? Придавленного, беспомощного, вынужденного принять тебя?

Острые ощущения танцуют по их Связи.

Лань Чжань не нуждался в дополнительных стимулах. Он направляет себя к трепещущей дырочке, которую так тщательно открыл, и, прежде чем он успевает полностью осознать это ощущение, одним плавным движением глубоко погружается в Вэй Ина.

Всё обрушивается на него одновременно: тугой, влажный жар, мучительное удовольствие, искажённое страстью лицо Вэй Ина, стоны, срывающиеся с их губ, и пение их Слияния, исходящее из их ядер.

Он замирает, ошеломлённый, одна рука всё ещё прижимает руки Вэй Ина к постели над его головой, другая поддерживает его, прижатого к кровати рядом с телом возлюбленного.

— Вэй Ин... — пытается произнести он, но не уверен, что издаёт и звука.

Это всё слишком — слишком горячо, слишком тесно, слишком удивительно, слишком полно.

— Лань Чжань, пожалуйста, Лань Чжань, это слишком. Боги, Лань Чжань, это так... — Вэй Усянь извивается под ним, и Лань Ванцзи чувствует, как сильно он этого хочет.

И, не сказав ни слова, он отстраняется (о боги, всё это кажется удивительным, Вэй Ин такой напряжённый, каждое прикосновение заставляет его вздрагивать, приближаясь к завершению, которое он едва осознаёт), а затем врывается, жёстко, неумолимо, на грани удовольствия и боли, которых так страстно желал Вэй Усянь, — масло сглаживает его выход, его вхождение и убеждает его, что он не причиняет вреда телу возлюбленного, когда он берёт, отдаёт и наполняет свою вторую половинку всем, чем может.

* * *

Вэй Ин никогда не предполагал, что всё будет так — несмотря на свою невероятную любовь к порнографии всех видов, он никогда не испытывал подобного от рук другого человека. В конце концов, только с самоудовлетворением он мог зайти так далеко. Демонический заклинатель экспериментировал, копировал книги и прятал их в своих комнатах, находил вещи, которые, как казалось, ему нравились, но, не имея партнёра, с которым можно было бы всё опробовать, он смирился с тем освобождением, что нашёл для себя.

Теперь, однако, всё его тело горело — непостижимая мешанина ощущений, потребностей и желаний, как его собственных, так и Лань Чжэня, текла сквозь него, через их Слияние. Его разум — их разум, наполнял их обоих чем-то, что он едва мог понять. Глаза Лань Чжэня — яркое золото вокруг бездонных чёрных омутов, полностью сосредоточились на лице Вэй Ина, на каждом звуке, который он издавал, и мир самого Вэй Ина сузился до этих пронзительно-ярких золотых колец.

Он чувствовал жар от рук, удерживающих его тело на месте и прижимающих его к путанице из одеял и подушек.

Наслаждение, растущее и распространяющееся из самого его ядра в каждую клеточку его существа

Невероятную эйфорию, проходящую через него — них — него — них - него...

Где заканчивался он и начинался его партнёр, Вэй Ин уже не знал... не мог сказать.

Они не два существа, их сущности слились, слились и преобразовались во что-то совершенно новое и завораживающее, пробуждающее то, чем они были — что они есть сейчас — чем они будут дальше — бесконечный мир возможностей...

— Я. — Вэй Ина протянул руку и обвился ею вокруг талии Лань Чжэня. Длинные бледные пальцы Вэй Ина трепетали, а потом взлетели вверх, чтобы прижаться к губам возлюбленного — ощущая лёгкие порывы воздуха, вырывающиеся из приоткрытого рта — отчаянный недостаток кислорода.

— Лань Чжань... Лань Чжань... Лань Чжань...

Он не уверен, слышны ли его слова... Издаёт ли он вообще звуки? Но это не имеет значения.

Они больше не Вэй Усянь и Лань Ванцзи — Вэй Ин и Лань Чжань теперь существуют лишь как два тела для одного Духа. Половинки Души обретают своё дополнение и полностью, наконец, сливаются...

Их видение наполняется друг другом — восходящая переплетающаяся страсть, полнота и правильность, когда их ядра и души успокаиваются, а их тела опрокидываются в эту мерцающую пропасть и летят вниз в пресыщенное удовлетворение, расслабленные конечности и вздымающиеся лёгкие, отчаянно нуждающиеся в воздухе, в блаженном неведении об окружающем мире.

Рваные талисманы развевались в воздухе, дребезжали окна и двери, которые теперь были приоткрыты, и волны их объединённой силы, растеклись по главной цитадели Цинхэ Не и близлежащему городу.

* * *

За пределами ранее хорошо защищённой комнаты энергия Вэй Ина и Лань Чжана текла по цитадели, по улицам и домам города. Яркая, наполненная жизненной силой и чистой радостью, удовлетворением и ощущением звучной полноты, она проникала в умы и души тех, кто обитал внутри.

Из некоторых она изгоняла затаившуюся депрессию, поджидающую возможности наброситься из засады, возвращала надежды и жизнелюбие.

Других доводила до исступления — художественного или иного; вдохновение захватывало души, подталкивало вперёд, и великолепные шедевры изливались из их рук и разума. Десятки прекрасных произведений искусства, изысканные мечи, великолепные инструменты и поразительные изобретения вскоре принесут всплеск богатства в экономику Цинхэ.

А для тех, кто в настроении и имеет под рукой согласного партнёра... Что ж, к следующему лету численность населения Цинхэ резко возрастёт. Хотя Не Минцзюэ и проведёт бесчисленное количество вечеров, разочарованно ворча по поводу внезапного увеличения количества ртов, которые нужно кормить, и душ, которые нужно защищать, он никогда до конца не поймёт, почему всё это происходит.

Не Хуайсан, который довольно быстро сообразит, что к чему, ничего ему не скажет - он будет считать демографический взрыв прощальным подарком Вэй-сюна.

Но всё это будет потом. А сейчас, когда наступило следующее утро с самой ясной погодой, самой комфортной температурой и неосязаемым чувством правильности происходящего, глава Цинхэ Не фыркнул в насмешливом замешательстве — конечно, должен быть более очевидный результат завершения процесса Слияния Пары, чем прекрасная погода и чувство довольства.

Хотя он скорее думал, что не должен жаловаться — он будет наслаждаться солнечным светом, тёплым ветерком и спокойствием вместе со всеми остальными.

И поскольку после этого Минцзюэ полностью выбросил этот вопрос из головы, он позже даже не посчитает беспокойную Пару источником массового увеличения численности населения в следующем году.

Но опять-таки это история для другого дня, а сейчас Не Хуайсан, гораздо более искусный в сочинении историй о неприятностях, выпавших на долю его старшего брата, чем во владении саблей, начинает новую рукопись в тот момент, когда, наконец, понимает, что произошло, позволяя своей постоянно растущей группе книголюбов взглянуть на то, что однажды станет настоящим шедевром.

<http://bllate.org/book/13203/1177375>